

Александр Иванович Куприн

Островок

Александр Куприн

Островок

«Public Domain»

1924

Куприн А. И.

Островок / А. И. Куприн — «Public Domain», 1924

«Три года тому назад получил я приглашение на открытие «русской колонии для детей беженцев», устраиваемой С. В. Денисовой и ее младшей дочерью Н. Н. Денисовой в Мэри на Уазе, километрах в двадцати пяти от Парижа. В письме были точно указаны день и час скромного торжества и даже удобнейший поезд из Парижа...»

Александр Иванович Куприн

Островок

Три года тому назад получил я приглашение на открытие «русской колонии для детей беженцев», устраиваемой С. В. Денисовой и ее младшей дочерью Н. Н. Денисовой в Мэри на Уазе, километрах в двадцати пяти от Парижа. В письме были точно указаны день и час скромного торжества и даже удобнейший поезд из Парижа.

Но именно в этот-то день я и не мог выехать из Севра, где тогда жил. Не мог по самой прозаической из прозаических эмигрантских причин. О ней легко догадаться, принимая во внимание дорогу от Севра до Мэри и обратно, хотя бы в третьем классе.

А поехать очень хотелось. Об этой колонии я уже много слышал. Признаюсь, почти непреодолимыми казались мне трудности, которые лежали на пути к цели, поставленной перед собою обеими женщинами: выбрать из несчастного беженского месива самых осиротелых, самых нуждающихся, самых заброшенных, самых одичалых детей, приютить их и накормить; согреть и оттаять их души, огрубевшие в страшных условиях революции и гражданской войны; дать им возможно широкое воспитание и образование и, наконец, выпустить их в неласковую, суровую жизнь – крепкими духом, сильными телом, полезными членами общества.

Выбор будущих воспитанников и учеников был сделан С. В. Денисовой, которая сама ездила для этого в Константинополь и в Галлиполи. Впрочем, как тут говорить о выборе, если приходилось подбирать все окончательно обреченное, иногда прямо с улицы? Конечно, дело не обходилось без административных палок в колеса. Официальная благотворительность фыркала на частный почин. Мы, русские, без этого, вероятно, не сможем жить и в загробной жизни...

Сколько нужно было иметь энергии, любви и веры в свое дело, чтобы не бросить его с самого начала. У мужчины непременно опустились бы руки. Надо не забывать тому, кто видел, и уметь вообразить тому, кто не видел, как исковеркала война и революция детские восприимчивые души и какой скорлупой моральной коросты они их облепили. Чего только не перенесли русские дети за эти ужасные годы, чего не насмотрелись их зоркие глаза! Вот передо мною книга, изданная директором русской гимназии А. И. Петровым в Моравской Тржебове (Чехословакия) под заглавием «Воспоминания 500 русских детей». Позвольте мне привести отрывки из этих наивных и страшных детских автобиографий:

– Видел я в одиннадцать лет и расстрелы, и повешение, и утопление, и даже колесование, – пишет один мальчик.

– Я скоро увидел, – говорит другой, – как рубят людей. Папа сказал мне, пойдем, Марк, ты слишком мал, чтобы это видеть...

– Пришел комиссар, хлопнул себя плеткой по сапогу и сказал: чтобы вас не было в три дня. Так у нас и не стало дома...

– Я видел войну, чуму, голод...

– Настоящей революции у нас не было, а только был грабеж и обыски.

– Закон Божий запретили и так про него выражались, что я стал по вечерам забираться в угол комнаты и читать Евангелие...

– Не видел я в эти годы ни ласки, ни привета и жил совсем-совсем один...

– Отца нашего расстреляли, брата убили, зять сам застрелился...

– Мать, брата и сестру убили...

– Отца убили, мать замучили голодом.

– И умер наш папа, и стали мы есть гнилую картошку.

– Это было время, когда кто-то всегда кричал уа, кто-то плакал, а по городу носился трупный запах.

- Умер папа, в больницу не пустили, и стала наша семья пропадать.
 - Мы шли через безводные пустыни с уральцами пятьдесят два дня.
 - Ездил я по Туре, по Тоболу, Иртышу, Оби, Томи, и всегда мне было очень плохо.
 - Мне приходилось тонуть четыре раза.
 - Я бродил один и видел, как в одном селе на восьмидесятилетнего священника надели седло и катались на нем. Затем ему выкололи глаза и, наконец, убили.
 - И пошли мы, два маленьких мальчика, искать по свету счастья. Да так и скитались пять лет.
 - Наша семья такая: мама в Бельгии, брат в Индии, папа неизвестно где, а я здесь.
 - Я русский язык забыл совершенно.
- Нет сомнения, что каждый из пятидесяти мальчиков, привезенных С. В. Денисовой в Париж, пережил за свое малое существование гораздо больше, чем в нормальных условиях переживают пятьдесят взрослых мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.